

И. А. ЗАВАДСКАЯ

**ДЕКОРАТИВНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОСПИСИ
ХЕРСОНЕССКИХ ХРИСТИАНСКИХ СКЛЕПОВ: ПРОБЛЕМЫ
ХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕЗИСА**

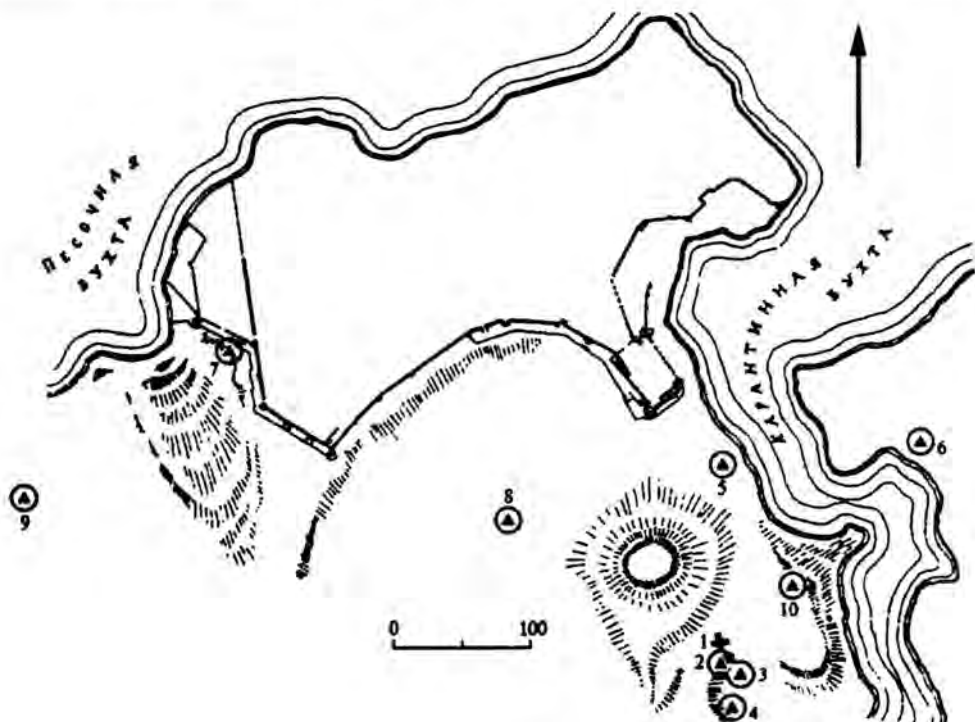
Росписи херсонесских склепов занимают чрезвычайно важное место среди памятников погребальной живописи Крыма. Помимо Херсонеса расписные склепы широко известны на Боспоре. Здесь традиция украшать погребальные камеры полихромной росписью хорошо прослеживается на протяжении ряда столетий – с конца IV в. до н. э. по II в. н. э. [1, с. 10-375]. В течение этого времени создана целая галерея великолепных образцов погребальных фресок различных, последовательно сменяемых друг друга стилей. Однако после II в. многокрасочные живописные полотна практически исчезают со стен местных гробниц. В III-V вв. н. э. в расписных склепах Боспора, в том числе христианских, господствует так называемый геометрический стиль [32, с. 88]. Из-за крайне невысокого уровня исполнения одной, реже двумя красками сильно схематизированных рисунков М.И.Ростовцев называл их “примитивно-упадочными произведениями” [1, с. 425]. В отличие от них в полихромной живописи херсонесских христианских склепов еще в полной мере проявляются античные традиции, используются элементы художественных стилей, известных по боспорским памятникам римского времени. Созданная на рубеже поздней античности и раннего средневековья группа херсонесских склепов с христианской полихромной росписью является, таким образом, единственной в своем роде в Крыму. Она представляет одно из важнейших звеньев в сложной и многовековой эволюции погребального декора в регионах Черноморья и Средиземноморья. Этапы этой эволюции, как можно видеть, находят яркое отражение и в памятниках Крыма.

Помимо своей художественной ценности, расписные склепы Херсонеса – очень важный источник в исследовании различных аспектов позднеантичной и раннесредневековой истории города. Эти памятники неоднократно освещались

в трудах отечественных ученых. Тем не менее, в их изучении остается ряд до конца нерешенных вопросов. Задача данной статьи состоит в том, чтобы на основе сопоставления херсонесских росписей с имеющимся в нашем распоряжении кругом зарубежных аналогий установить хронологические рамки и наиболее вероятные пути проникновения в Херсонес данной художественной традиции.

В настоящее время в Херсонесе известно десять расписных склепов. Наиболее полное описание восьми из них вошло в труд М.И.Ростовцева "Античная декоративная живопись на юге России" (рис. 1) [1, с. 449-480]. Материал о двух новых склепах №№ 1 и 2, открытых и исследованных в 1998-1999 гг., содержится в археологическом отчете, опубликованном в книге В.М.Зубаря и А.И.Хворостяного "От язычества к христианству" [2, с. 144-154]. По справедливому замечанию В.М.Зубаря, новые склепы типологически и хронологически примыкают к известным ранее [2, с. 72]. М.И.Ростовцев всю известную ему группу расписных склепов на основе тождества техники и стиля их росписи относил к одной эпохе. При определении даты он опирался на нумизматические находки. В склепах 1903, 1905 и 1912 гг. обнаружены монеты второй половины IV в. По одной монете Льва I (457-474) найдено в склепах 1912 и 1907 гг. Тем не менее, именно вторую половину IV в. М.И.Ростовцев считал временем росписи большинства херсонесских склепов, допуская возможность более поздней датировки лишь для росписи склепов 1912 г. и на земле Н.И.Тура. Роспись в последнем склепе он называет не чисто гробничной, а уже полуцерковной, и предполагает возможность ее создания не позже V в., хотя и в этом случае не исключал также и IV в. [1, с. 451, 457, 462, 469, 471, 479].

Датировка, предложенная М.И.Ростовцевым, долгое время оставалась общепризнанной. Первым выразил сомнение О.И.Домбровский, по мнению которого столь ранняя дата "лишена археологического обоснования". Он рассматривал росписи склепов как наиболее близких предшественников фресок, обнаруженных в слое под южным нефом херсонесской Базилики 1935 г. Ошибочно он датировал этот слой VII-VIII вв. [3, с. 222]. На основании нумизматических данных фрески принадлежали культовому сооружению конца IV в. [4, с. 101]. Передатировку склепов с росписью поддержал В.М.Зубарь, относивший их сначала к VI-VII вв., а в последнее время ко второй половине – концу V-VI вв. [5, с. 12; 2, с. 88]. Одним из главных аргументов в пользу этой хронологии В.М.Зубарь считает тот факт, что монеты IV-V вв. находились в денежном обращении Херсонеса вплоть до VII в. [5, с. 4; 2, с. 81]. В последнее время в защиту ранней датировки выступил П.Д.Диатропов. По его мнению, росписи херсонесских склепов находят наиболее близкую параллель в живописи гробниц болгарских некрополей, главным образом Софии, относящихся по хронологии болгарского исследователя Д.Овчарова, к концу IV-V вв. [6, с. 34-36]. Полностью принимая данную датировку, хотелось бы заметить, что совершенно исключать монеты из факторов, датирующих склепы с росписью, как это делает П.Д.Диатропов, нет оснований.

Рис. 1. Херсонес. Схематический план расположения расписных склепов. 1 – Загородный крестообразный план; 2 – склеп 1903 г.; 3 – склеп 1904 (1853) г.; 4 – склеп 1905 г.; 5 – склеп 1907 г.; 6 – второй склеп 1907 г.; 7 – склеп 1909 г.; 8 – склеп 1912 г.; 9 – склеп на земле Н.И.Тура; 10 – склепы 1998-1999 гг. [2, рис. 21].

Вне зависимости от длительности их хождения, монеты IV-V вв. могли попасть в склепы уже в начальный период их хождения. Следовательно, они дают *terminus post quem* для этих памятников. К тому же, отсутствие в склепах монет конца V-VII вв. также весьма показательно. Подтверждением значимости нумизматических данных при датировке интересующей нас группы памятников служит также набор монет IV – начала V вв. из склепа № 2 1998-1999 гг., по своему составу достаточно близкий монетным находкам из других склепов [2, с. 153-154].

Все же, необходимо признать, что монеты, как и другой археологический материал, не играют решающей роли при определении времени появления расписных склепов. Их датировка должна основываться, прежде всего, на характере и стилистических особенностях погребальной росписи. Ее детальный анализ, не утративший своей актуальности и в наши дни, провел М.И.Ростовцев. Один из выводов, следующих из его исследования, заключается в том, что группа христианских склепов с росписью в Херсонесе не является следствием развития

Рис. 2. Херсонес. Роспись задней стены склепа 1903 г. [7, табл. СХII].

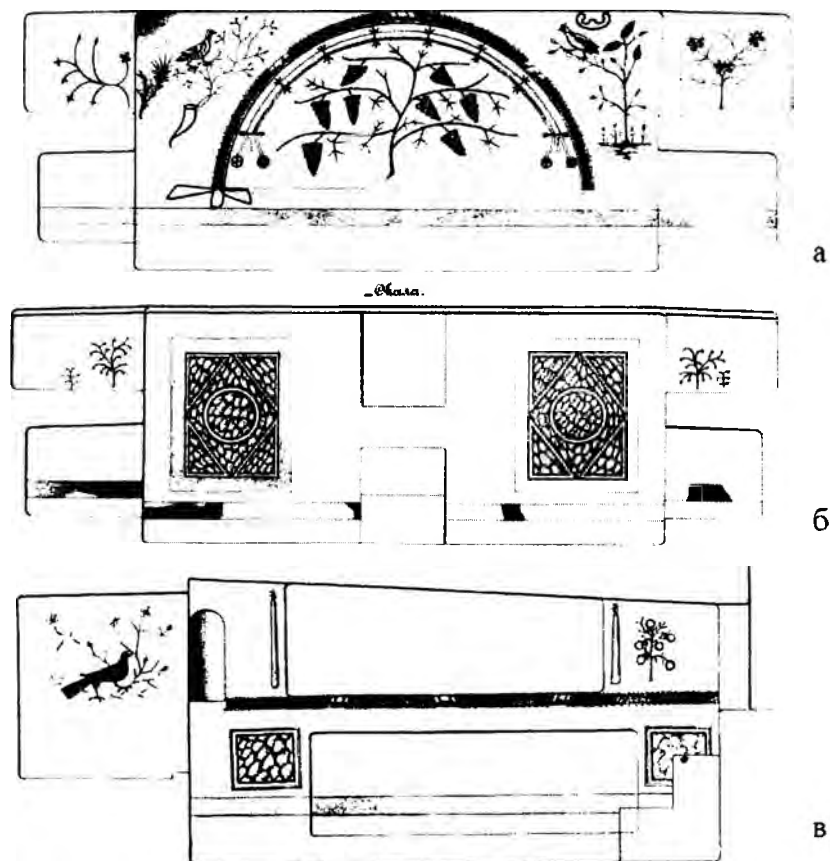

Рис. 3. Херсонес. Роспись склепа 1905 г.: а – задняя стена; б – входная стена; в – правая стена [7, табл. CVII,1; CVII,2; CVIII,1].

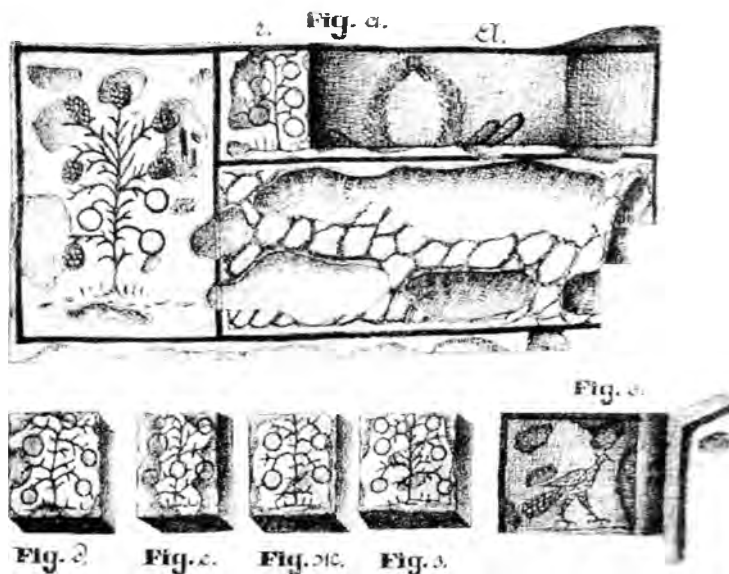

Рис. 4. Херсонес. Роспись правой стены склепа 1904 (1853) г. [1, рис. 86].

местной традиции, а представляет собой результат заимствования, перенесения уже готовых, полностью сформировавшихся художественных форм на херсонесскую почву. Таким образом, однородность декоративной росписи херсонесских склепов и привнесенность извне данной художественной традиции свидетельствуют не только о том, что они были созданы в один период, но также позволяют сделать вывод об их хронологической близости аналогичным по стилю памятникам. Херсонесские склепы, скорее всего, были расписаны приезжими мастерами, которые хорошо знали основы современной им системы погребальной живописи и следовали ей.

Отдельные элементы росписи херсонесских склепов, обзор и анализ которых уже неоднократно проводился, находят многочисленные аналогии среди памятников как западных (в том числе и в живописи римских катакомб), так и, прежде всего, восточных областей Римской империи. Вполне определенный набор изображений в херсонесских росписях полностью соответствует сюжетной канве раннехристианского искусства, формирование которого проходило под сильным влиянием языческих античных художественных традиций.

Практически все изображения были заимствованы из арсенала языческой живописи, получив при этом новый христианский смысл [18, с. 194-230]. Деревья, виноградная лоза, цветы стали символами небесного рая, кроме того, виноградная лоза и различного рода сосуды были неразрывно связаны с таинством Причащения. Изображения птиц среди деревьев и цветов символизировали

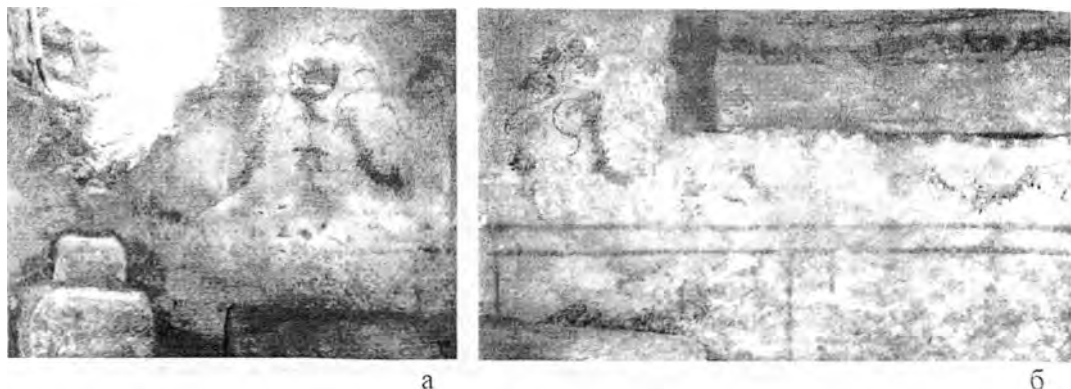

Рис. 5. Херсонес. Роспись входной и левой стен склепа № 1 1998-1999 гг. [2, рис. 65,1,2].

христианские души в райском саду и были связаны с догматом Воскресения и вечной жизни. Большую символическую нагрузку несли встречающиеся в херсонесских росписях горящие свечи, как в руках людей (склеп 1909 г.), так и самостоятельно (склеп 1905 г.). Они обозначали духовный свет, который несет человечеству учение Христово.

Не только отдельные изображения, но и декоративная система в целом имеет античные корни. Главной особенностью системы росписи херсонесских склепов является смешение элементов двух античных по происхождению стилей – инкрустационного и цветочного [1, с. 484-485]. Инкрустационный стиль представлен декором, имитирующим панели мраморной облицовки, как правило, нижней части стены. Пространство над мраморированной панелью заполнено элементами цветочного стиля, а именно цветами, деревьями, гирляндами, птицами. Подобное сочетание мы наблюдаем как в склепах 1903, 1904 (1853), 1905 гг. (рис. 2-4) [1, с. 455, рис. 86; 7, табл. CXII, CVII, CVIII], так и в склепах 1998-1999 гг. [2, рис. 65]. В новом склепе № 1 нижняя часть стен декорирована под мраморную облицовку, в верхней части, в том числе в нише, изображены цветы, гирлянды и павлин (рис. 5) [2, рис. 65,1-5]. Идентичная по своей структуре и довольно близкая по набору живописных элементов система росписи наблюдается в семейной гробнице Флавия Хрисантия 340-400 гг. в Сардах, в столице провинции Лидия, на западе Малой Азии (рис. 6) [8, fig. 22]. Следует отметить, что в этой гробнице, также как и в херсонесском склепе № 1, мраморная облицовка исполнена единообразно, а именно в виде чередования узких и широких прямоугольников, последние из которых заполнены диагональными черными полосами. Диагональные полосы при передаче мраморных плит используются также в росписи гробниц №№ 7 и 9 Софийского некрополя (рис. 8,б,в) [10, рис. 23,31-33].

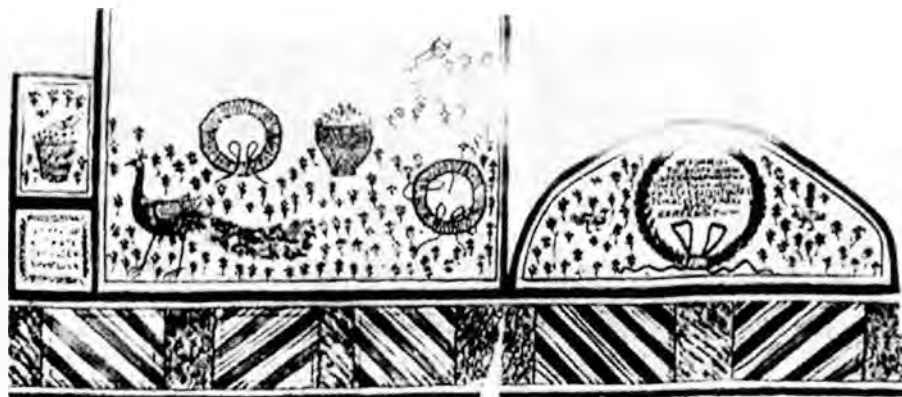

Рис. 6. Сарды. Роспись гробницы Хрисантия, 340-400 гг. [8, fig. 22].

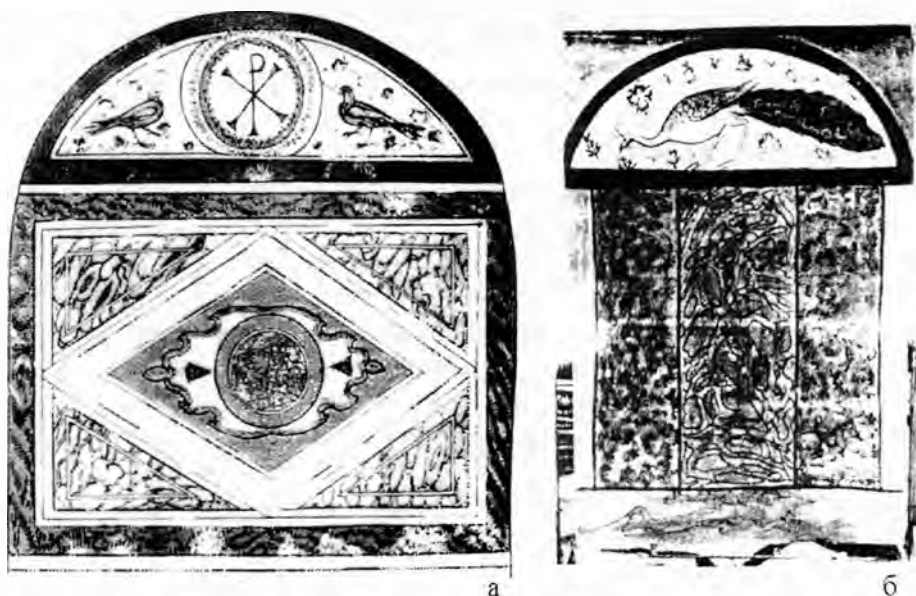
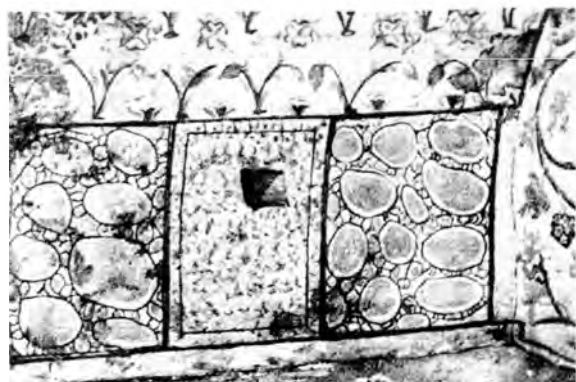
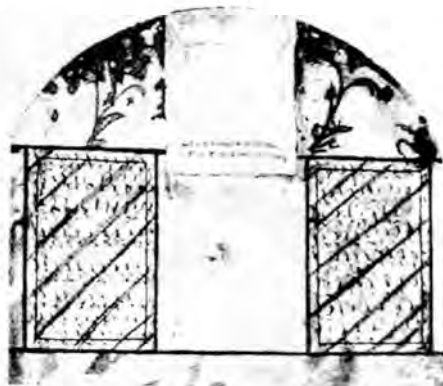

Рис. 7. Фессалоника. а – роспись гробницы на ул. Демосфена, 360-370 гг.; б – роспись гробницы на ул. Св. Димитрия [8, fig. 16; 9, fig. 17].

Сочетание элементов инкрустационного и цветочного стилей характерно также для росписи многих погребальных сооружений IV – начала V вв., расположенных на территории ряда восточных провинций Империи, в частности во Фракии, в Македонии, на территории Малой Азии, Ближнего Востока. Аналогичная декоративная система фиксируется в росписи семи гробниц в Фессалонике, в частности на улицах Демосфена (360-370 гг.) и Св. Димитрия (рис. 7), трех гробниц

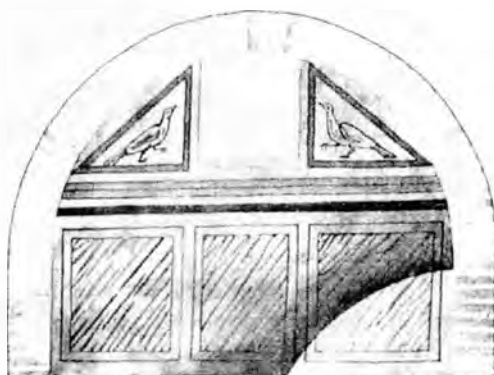
а

б

в

г

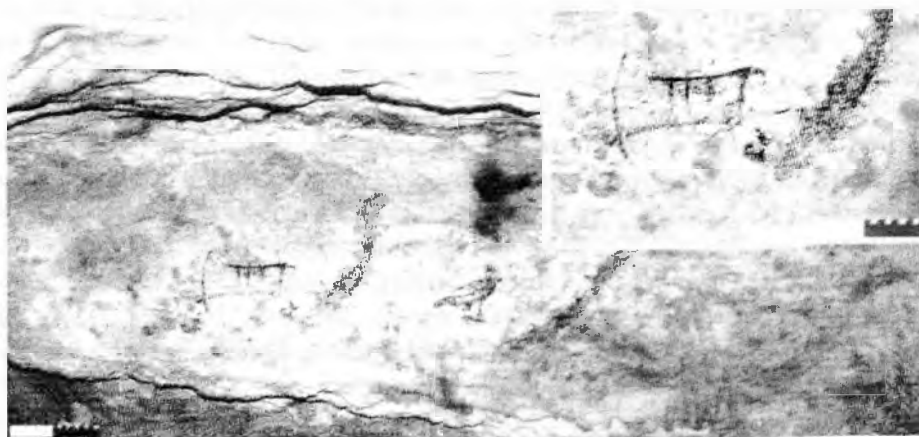
Рис. 8. Сердика. а, б – роспись гробницы № 7; в – роспись гробницы № 8; г – роспись гробницы № 9 [10, рис. 20, 23, 26, 33].

Софийского некрополя (№№ 7, 8 и 9) (рис. 8), также некоторых погребальных сооружений в Сардах. Мраморировка и растительный декор дополняют многофигурные сюжетные композиции в живописи склепа IV в. в Томах, гробницы Аскалона в Израиле [8, p. 173-176, fig. 15, 16, 17, 21; 9, p. 177, fig. 17; 10, с. 58, 63, 70-72, 89-90]. Оформление нижней части стен в виде мраморной облицовки и заполнение верхних плоскостей цветами, гирляндами, павлинами наряду с изображениями отдельных человеческих фигур и целых сюжетных сцен можно наблюдать также в ряде римских катакомб. Примером может служить роспись катакомбы первой половины IV в. на виа Латина [11]. Изображения двух павлинов по обеим сторонам вазы с цветами в правом аркосолии кубикюла N (рис. 9) по

Рис. 9. Катакомба на виа Латина в Риме, 320-350 гг.
Роспись правой стены кубикюла N [11, fig. 127].

Рис. 10. Херсонес. Роспись левой стены склепа № 2 1989-1999 гг. [2, рис. 65,6].

Рис. 11. Эфес. Роспись гробницы «семи спящих» (Sept Dormants) [8, fig. 24].

своей трактовке близки павлинам, держащим в клювах гирлянду, из херсонесского склепа на земле Н.И.Тура (рис. 15) [11, fig. 127; 1, с. 475, рис. 88,1]. Некоторые римские примеры отмечал и М.И.Ростовцев [1, с. 487].

Таким образом, декоративная система, объединившая элементы двух стилей, получила довольно широкое распространение в погребальной живописи раннехристианского мира. Строго определенное сочетание этих элементов, придававшее плоскостному пространству стены горизонтальное членение, имело глубокий символический смысл, который отмечал еще К.Миятев [10, с. 110]. Легкий

декор верхней части стены, состоящий из цветочных мотивов и птиц, символизировал небесный райский сад, противовесом которому являлся тяжелый мраморированный низ – иллюзия земного жилища. Отношение к месту захоронения как к последнему дому погребенного, определявшее и его декоративное убранство, является безусловным порождением язычества. Созданная в его лоне художественная традиция на первых порах перешла и в христианство. Однако в отличие от изображений растительного и животного мира, также как и некоторых предметов, которые были обогащены новым христианским символическим смыслом [17, с. 143-245], имитация мраморной облицовки, скорее всего не приобрела нового символического значения, по сути оставаясь пережитком старой художественной системы. Можно предположить, что в условиях постепенного возобладания аскетической тенденции в оформлении погребальных сооружений этот декор, как признак земной материальной роскоши и богатства, был вытеснен из гробничной росписи значительно раньше изображений с христианской символикой души, рая небесного, учения Христова¹. Таким образом, скорее всего присутствие мраморировки в христианской погребальной живописи является признаком ее относительно ранней датировки. Отметим, что К.Миятев три из девяти описанных им гробниц Софийского некрополя (№№ 7, 8 и 9), роспись которых имеет мраморную инкрустацию, относит к первой, самой ранней группе и датирует их временем в пределах второй половины IV – конца V вв. [10, с. 67, 110]. Позже V в. погребальные памятники, в декоре которых присутствовала бы имитация мрамора, не известны и в других областях христианского мира.

Мраморировка в херсонесских склепах совершенно отчетливо представлена в четырех склепах (1903 г., 1904 (1853) г., 1905 г. и № 1 1998-1999 г.), в двух склепах, во втором 1907 г. и 1909 г., сохранилось деление нижних частей стен на прямоугольники (ортостаты), в заполнении которых следов инкрустации не зафиксировано, не исключено, что по причине их плохой сохранности. Очень плохо сохранилась роспись в склепах 1907 г. и 1912 г., здесь отмечены элементы цветочного стиля (фрагменты цветов в склепе 1907 г., гирлянда и павлин в склепе 1912 г.), главным образом на верхних участках стен, что, в принципе, не выходит за рамки вышеописанной системы.

В херсонесском склепе № 2 1998-1999 г. также сохранилась лишь часть верхней композиции на одной из стен, исполненной в цветочном стиле [2, рис. 65,6]. На поле, усеянном цветами розы, о чем свидетельствуют местами сохранившиеся красные пятна, изображена опрокинутая плетеная корзина, наполненная такими же цветами (рис. 10). Довольно близкую сюжетную аналогию

---

¹ В данном случае речь идет именно о погребальной росписи, в отличие от которой в церковной живописи мотив мраморной инкрустации стал одним из наиболее распространенных, что свидетельствует о господстве разных принципов в декорации гробниц и храмов.

представляет роспись усыпальницы Sept Dormants ("семи спящих") Эфесского некрополя [8, fig. 24]. Здесь также мы видим опрокинутую влево корзину с рассыпанными цветами розы, причем, как и в херсонесском склепе, справа от корзины изображена в вертикальном положении изящно изогнутая стилизованная красная гирлянда (рис. 11). Безусловно, эфесская роспись значительно более живописна и искусна в исполнении. Однако практически точное совпадение сюжетов наводит на мысль об общем прототипе для обеих росписей.

В данной связи необходимо отметить, что уровень мастерства исполнения росписи не всегда является хронологическим признаком. Также как и в херсонесских склепах, во многих памятниках позднеантичного времени изображения цветов, гирлянд, птиц уже в значительной степени условны и схематичны, что отражает общую тенденцию, характеризующую постепенный отход от живописности, иллюзорности эллинистического искусства в позднеантичный период. Кроме того, по-видимому, далеко не все гробницы расписывались высококвалифицированными мастерами.

Украшение погребений полихромной росписью вошло в обычай, безусловно, лишь в среде достаточно состоятельных членов христианских общин, так как подобное оформление мест захоронения стоило очень дорого, тем более если учитывать еще и стоимость самих склепов. Позволить себе такую роскошь могли далеко не все, чем и объясняется сравнительно невысокий процент расписных склепов от общего количества погребений этого периода. Это наблюдается не только в Херсонесе, но и в других уже упоминавшихся центрах. Так, например, в Фессалонике, по замечанию Э.Марки, 65 гробниц с росписью составляют 15% от общего числа захоронений раннехристианского времени [9, p. 172]. Тем не менее, количество расписных погребальных памятников не так уж и мало, что позволяет делать предположения о функционировании целых мастерских в некоторых центрах, в частности в Сардах, в период после правления Константина [8, p. 176]. Такая мастерская, скорее всего, была и в Фессалониках. Таким образом, социальный слой заказчиков погребальной живописи должен был быть сравнительно широким. Однако, безусловно не все его представители были в равной степени богаты, чтобы оплачивать услуги высококвалифицированных художников. Поэтому зачастую они обходились, по-видимому, услугами менее умелых, но в то же время относительно дешевых мастеров-ремесленников, что особенно типично для отдаленных от крупных культурных центров мест, хотя встречается и в сравнительно больших городах. В одно и то же время создавались как настоящие произведения искусства, к которым можно отнести, например, росписи некоторых гробниц второй половины IV в. Фессалоники, Никеи, так и скромные подражания им, в которых цветы изображались в виде простых цветных пятен, а гирлянды и птицы сохранили лишь свои контуры. В качестве примера можно привести "гробницу с гирляндами" из Сард, гробницу второй половины IVв. из Маркианополя (с. Река Девня), гробницу № 2 юго-восточного некрополя

Филиппополя (Пловдив) второй половины IV – начала V вв. [12, с. 95-100; 13, с. 138-143; 14, fig. 4; 8, р. 176, fig. 22, 25, 26]. Изображения гирлянд, венков и цветов на их стенах стилизованы и схематичны, превращены, по сути, в простой орнамент (рис. 12-14). Таким образом, качество росписи погребальных сооружений, скорее всего, является отражением как материальных возможностей заказчиков, так и уровнем квалификации исполнителей.

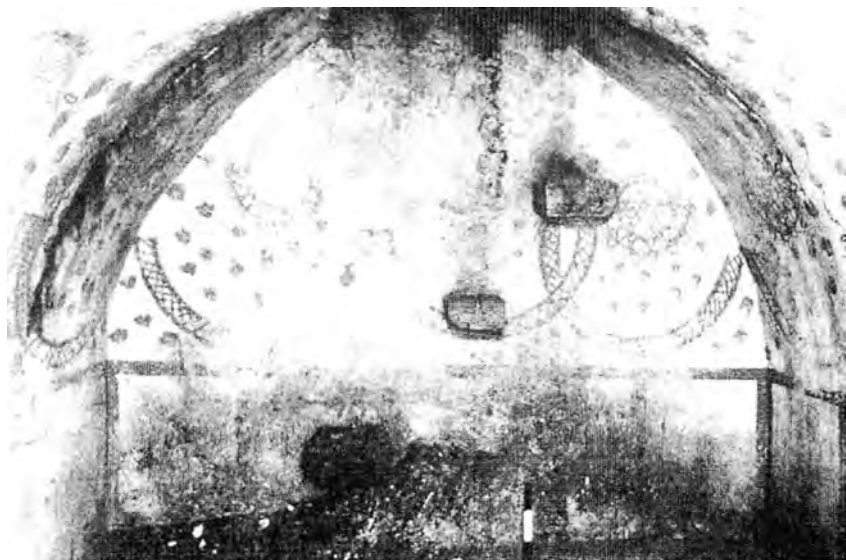

Рис. 12. Сарды. Роспись гробницы с гирляндами [8, fig. 26].

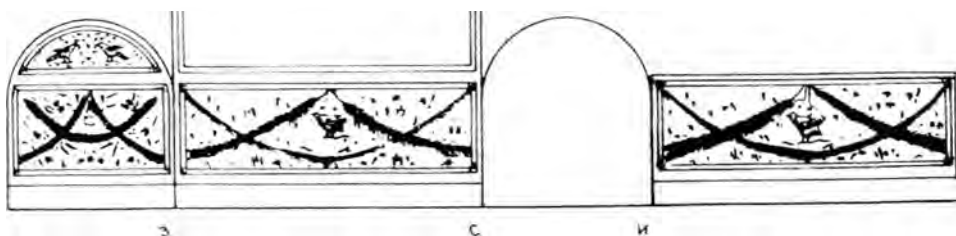

Рис. 13. Маркианополь. Роспись гробницы второй половины IV в. [8, fig. 25].

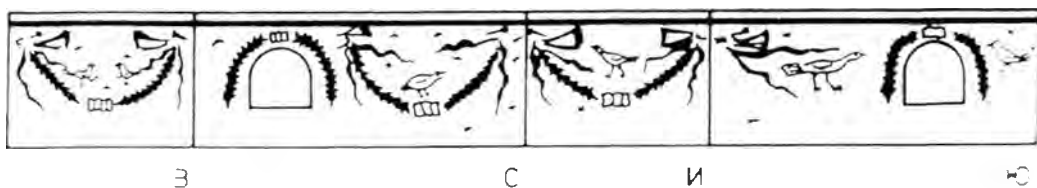
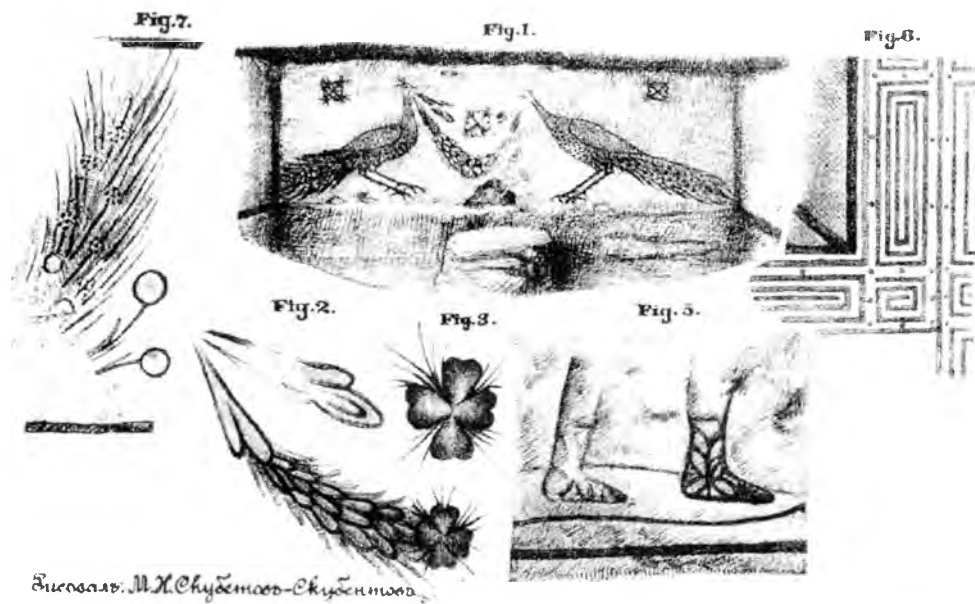

Рис. 14. Филиппополь. Роспись гробницы № 2 юго-восточного некрополя, вторая половина IV – начало V в. [14, fig. 4].

Интересно отметить, что наиболее богато украшенные херсонесские склепы, а именно 1903, 1904 (1853) и 1905 г. (рис. 2-4), расположены близко друг от друга, на территории к югу от Загородного крестообразного храма (рис. 1, 2-4) [7, табл. СII]. Их роспись отличается наиболее разнообразным набором живописных элементов, изящным и скрупулезным исполнением мраморной инкрустации, причем единообразно для всех, утонченной прорисовкой птиц и растительного декора. Уровень мастерства исполнения этих росписей представляется наиболее высоким из всей группы херсонесских склепов. Скорее всего, указанный участок некрополя принадлежал в позднеантичный период наиболее состоятельным семьям города, что подтверждается и находками золотых вещей из ряда других обнаруженных здесь склепов [15, с. 8].

Особое место в ряду херсонесских расписных склепов занимает склеп на земле Н.И.Тура к юго-западу от западных ворот города (рис. 1, 9) [1, с. 472-480]. Главным его отличием от остальных расписных склепов Херсонеса является представленная на правой боковой стене целая сюжетная композиция с двумя человеческими фигурами. Однако, остатки росписи на других стенах склепа по своему характеру и стилю вполне согласуются с уже рассмотренными памятниками. М.И.Ростовцев на основании технического и стилистического сходства росписи данного склепа с живописью остальных херсонесских склепов считал их единой хронологической группой. Тем не менее, допускал, что роспись склепа на земле Н.И.Тура могла быть немного позднее, в любом случае не позже V в. [1, с. 479]. Признаками более позднего времени ученый называет большое количество изображенных здесь фигур (имеется в виду правая стена) и "изображение развернутых и стилизованных цветов розы" (рис. 15, 3). Что касается роз, то аналогичные по своей форме цветы можно видеть в росписи боковой стены верхней правой лежанки склепа 1905 г., отличие лишь в том, что здесь они принадлежат небольшому деревцу или ветке (рис. 3, а). Цветы-розетки, очень близкие как по форме, так и по своему расположению в композиции, присутствуют в гробнице первой половины IV в. в Старом Костолаке (Viminatium) в Сербии [8, fig. 36-37] (рис. 16). К числу очень популярных сюжетов в позднеантичной погребальной живописи принадлежит уже упоминавшаяся композиция с двумя павлинами на задней стене склепа на земле Н.И.Тура (рис. 15, 1). Помимо уже приводимой аналогии с росписью из римской катакомбы первой половины IV в. стоит упомянуть также довольно близкую по сюжету и прорисовке птиц роспись люнета задней стены силистринской гробницы последней четверти IV в. [16, рис. 1; 17, рис. 2] (рис. 17). В ней, также как и в римской росписи, павлины расположены по обеим сторонам вазы в отличие от херсонесской композиции, где место вазы занимает гирлянда. Но изображения самих павлинов, их позы, очертания тел, лап, голов, рисунок оперенья хвостов очень близки павлинам из херсонесского склепа.

Рисовалъ М.Х.Скубенцовъ-Скубенцова

Рис. 15. Херсонес. Роспись склепа на земле Н.И.Тура [1, рис. 88].

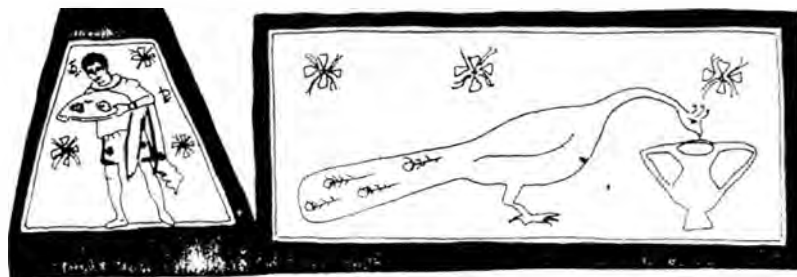

Рис. 16. Viminatum. Роспись гробницы первой половины IV в. [8, fig. 36].

Рис. 17. Силистра. Роспись западного люнета гробницы конца IV в. [17, рис. 2; 16, рис. 1].

Помимо росписи задней стены склепа на земле Н.И.Тура, остатки фресок зафиксированы также под левой нишей, где, по мнению М.И.Скубетова, находилось изображение пальмового венка [1, с. 476]. Плафон в склепе, вероятно, был оформлен также как и в большинстве других херсонесских расписных склепов, в виде диагональных гирлянд и венка в центре [1, с. 478]. Таким образом, вся роспись склепа, за исключением правой стены, как по стилю, так и по набору декоративных элементов, находится в полном созвучии с живописью остальных херсонесских склепов². Ее погребальный характер, следовательно, не вызывает сомнений. Скорее всего, она связана с захоронениями, совершенными в тот же период, что и в остальных расписных склепах Херсонеса.

Совсем иной характер имеет роспись правой стены, где представлена сюжетная композиция с двумя фигурами – мужской и женской, направляющимися к схематично изображенному вдалеке городу [1, рис. 89-90]. Эта роспись относится, скорее всего, ко времени перестройки склепа, где было некогда захоронено почитаемое херсонеситами лицо, в своего рода мемориальную часовенку-молельню³ [1, с. 473-474]. Не исключено, что на момент перестройки этот склеп принадлежал всей христианской общине и был местом для общественных молений христиан в дни памяти почитаемых усопших. Именно принадлежностью росписи правой стены к уже перестроенному склепу и объясняется полуцерковный характер ее композиции. К настоящему времени она получила несколько интерпретаций. Н.М.Печенкин видел в этой картине сюжет из жизни понтийского мученика Феодора Стратилата [1, с. 479]. М.И.Ростовцев допускал, что здесь мог быть представлен какой-нибудь святой или мученик, или вообще обыкновенный христианин в райском саду [там же]. В последние годы предложена новая версия, согласно которой в этой росписи изображены Мария и Иосиф, идущие в Вифлеем [19, с. 300-301; 2, с. 80]. Такая трактовка вполне допустима, хотя не исключено, что со временем будут найдены и другие толкования.

Таким образом, роспись правой стены склепа на земле Н.И.Тура, учитывая ее характер и, возможно более позднее происхождение⁴, должна быть выделена

² На правом простенке входной стены этого склепа сохранились остатки нарисованных человеческих ног (рис. 15, 5). Однако остается не ясным, имело ли это изображение отношение к картине на правой стене, являясь ее продолжением, или же представляло собой самостоятельный сюжет. В последнем варианте можно сопоставить эту фигуру с персонажами из склепов 1904 (1853) г. и 1909 г., о которых речь пойдет ниже.

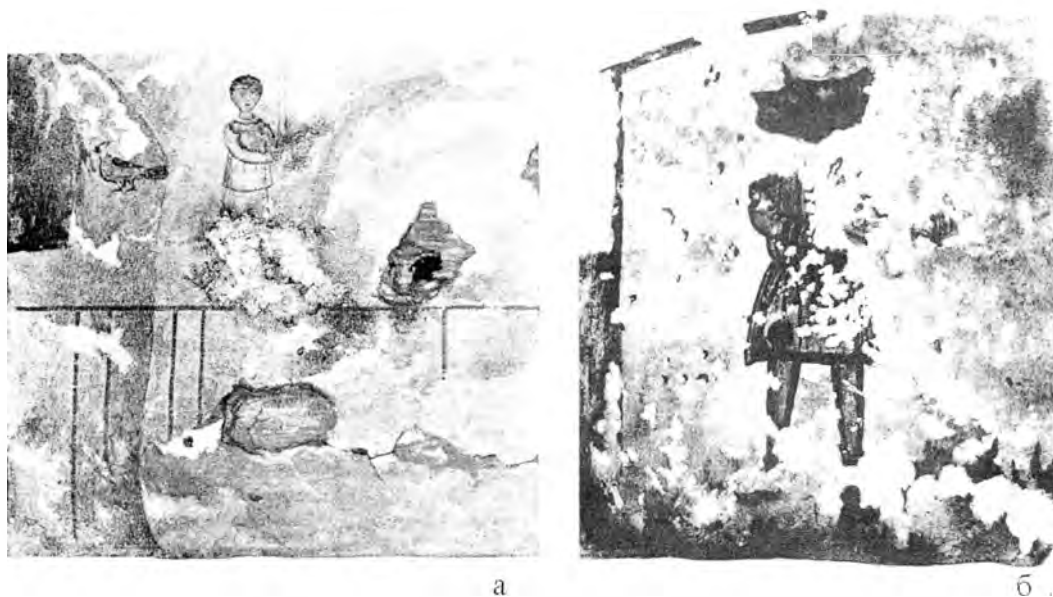
³ М.И.Ростовцев называл склеп на земле Н.И.Тура склепом-церковкой. Всю его роспись он считал одновременной. Этим объясняется некоторая неопределенность предлагаемой М.И.Ростовцевым периодизации данного склепа. Сначала он высказывает предположение об одновременности всей росписи перестройке склепа в "церковь", затем допускает, что роспись унаследована "церковкой" от гробницы, называя ее все же полуцерковной [1, с. 474, 478-479].

⁴ Признавая возможность более позднего происхождения этой росписи, все же трудно согласиться с такой отдаленной датой как VII-VIII вв., установленной на основе якобы существующего стилистического сходства с миниатюрами из Ватиканского Свитка Иисуса Навина [19, с. 301]. Сопоставление столь разнохарактерных памятников чрезвычайно сомнительно и вряд ли корректно. Тем более, что дата Ватиканского Списка принадлежит к числу дискуссионных проблем.

из круга погребальных херсонесских росписей. По существу она является уникальным памятником Херсонеса.

Одной из особенностей ряда расписных погребальных памятников конца IV-V вв. исследователи считают практически полное вытеснение изображений людей из декоративной схемы. Отсутствие человеческих фигур отмечено, например, для росписи гробниц этого времени Софийского некрополя [10, с. 115; 20, с. 25; 21, с. 28]. На эту же особенность и херсонесских росписей указывал М.И.Ростовцев [1, с. 486]. Тем не менее, отдельные изображения людей в некоторых херсонесских склепах все же присутствуют, что, как представляется, имеет немаловажное значение для выяснения их датировки. Речь, прежде всего, идет о склепах 1904 (1853) и 1909 г. [1, с. 454-455, 468]. В каждом из них сохранилось изображение мужской фигуры, одетой в тунику с длинными рукавами, не доходящую до колен и подпоясанную в талии (рис. 18) [7, табл. CV,2; CVI]. В склепе 1904 (1853) г. фигура расположена на правом простенке входной стены. Она являлась составной частью всей росписи склепа, сосредоточенной вокруг ниши-лежанки в правой стене. Ради погребенного в этой нише, по-видимому, высоко почитаемого покойника и был расписан данный склеп. Прямое отношение фигуры к этой нише отмечал еще М.И.Ростовцев [1, с. 455]. В склепе 1909 г. изображение юноши, расположенное на левом простенке задней стены, обращено к нише в этой стене, также, по-видимому, являвшейся центральной в склепе. Обе фигуры держали в

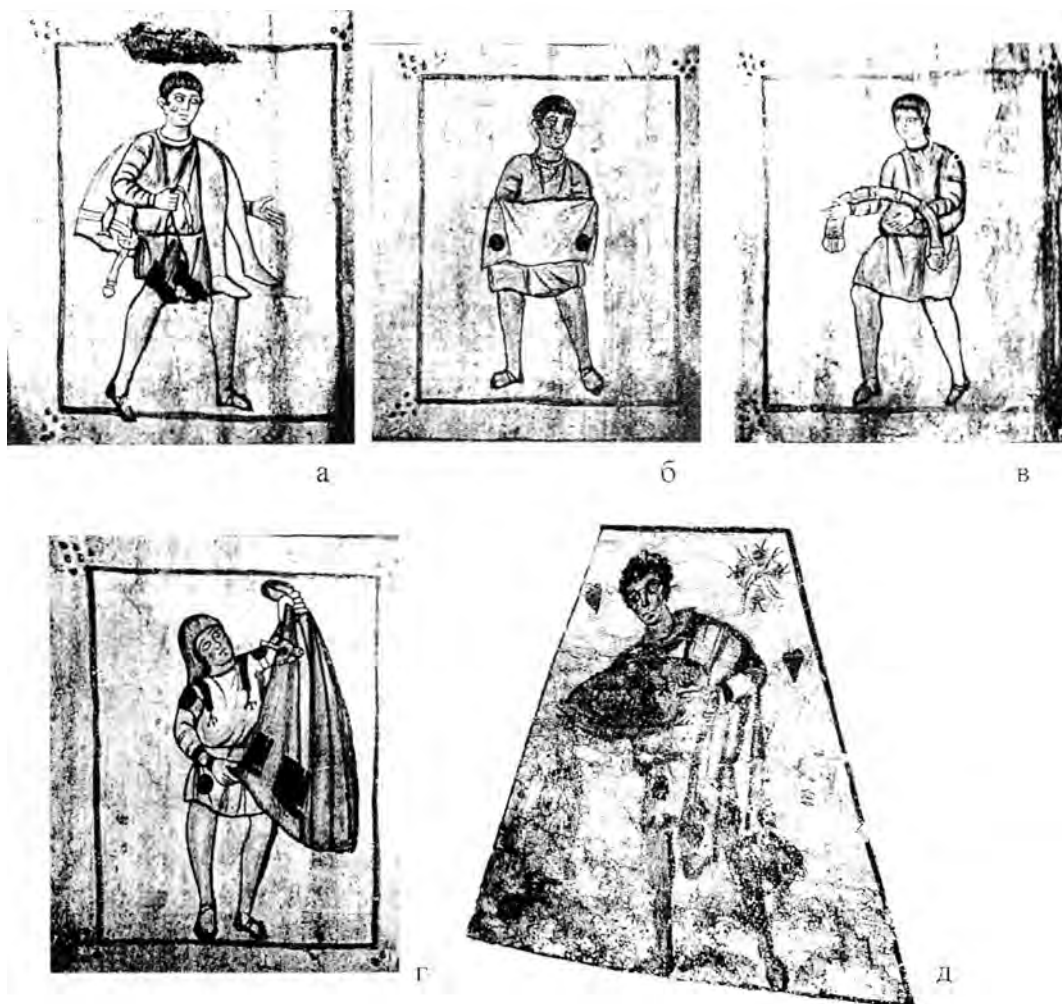
Рис. 18. Херсонес. Изображения слуг: а - в росписи склепа 1909 г.; б - в росписи склепа 1904 (1853) г. [7, табл. CV,2; CVI,1].

руках предметы: в склепе 1909 г. – свечу, в склепе 1904 г. изображение предмета утрачено, хотя не исключено, что это тоже была свеча. Сходство описанных фигур между собой, скорее всего, указывает на единообразность функциональной нагрузки, возложенной на них. Подобных персонажей принято считать слугами. Их присутствие в гробничной росписи подтверждает высокий социальный статус погребенных. Весьма характерной в этом отношении является гробница Элии Арисут (Aelia Arisuth) второй половины IV в. из Гаргареша в Триполитании (Северная Африка) [42, p. 264, fig. 242-243]. Роскошная роспись, окружающая локул этой гробницы, включает двух слуг со свечами в руках по обеим сторонам локула (рис. 19). Знатность и богатство погребенной демонстрирует ее портрет в аристократическом одеянии со свитком в левой руке, заключенный в венок, украшенный драгоценными камнями.

Рис. 19. Гаргареш (Северная Африка). Роспись гробницы Элии Арисут, вторая половина IV в. [42, fig. 242].

Присутствие одного или нескольких слуг в погребальной живописи довольно типично для языческих захоронений. Изображения процессий слуг рассматриваются как результат трансформации популярной в античном языческом искусстве сцены загробной трапезы, черты деградации которой

Рис. 20. Изображения слуг: а-г - в росписи силистринской гробницы конца IV в.; д - в росписи гробницы первой половины IV в. из Viminatum [22, fig. 5, 6, 8, 9; 8, fig. 37].

наблюдаются уже со II-III вв. [8, p. 180-185]. Одним из наиболее ярких памятников, представляющих процессию слуг, является уже упоминавшаяся гробница последней четверти IV в. около Силистры (Дуросторум) [16, с. 10-21; 22, p. 35-52]. Интересно отметить сходство в одежде слуг-мужчин из силистринской гробницы и из херсонесских склепов (рис. 20, а-г) [16, рис. 2, 4, 5; 21, рис. 38-41]. Близким им также является изображение слуги из сербской христианской гробницы в Старом Костолаке первой половины IV в. (рис. 16; 20, д) [8, fig. 36-37]. Процессия

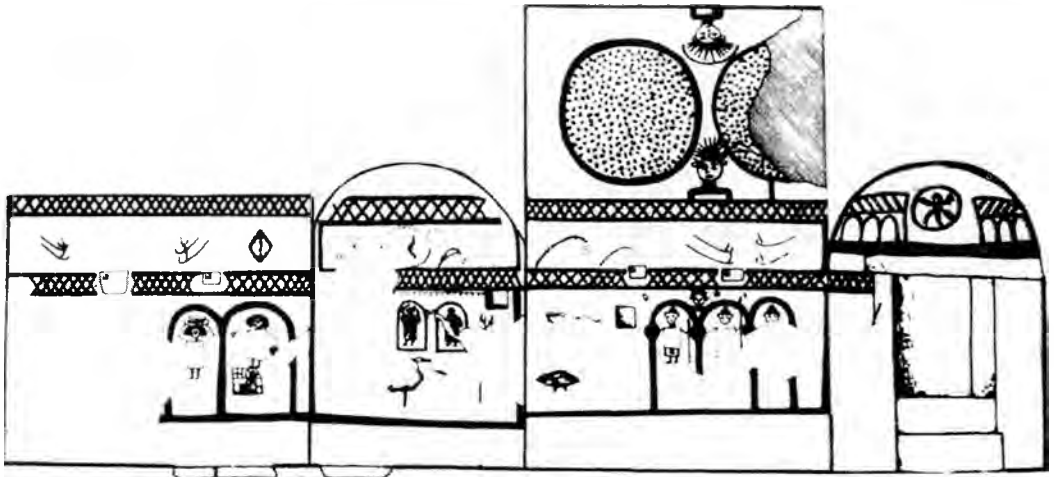

Рис. 21. Осеново. Роспись гробницы IV в. [8, fig. 43].

слуг присутствует и в христианской гробнице конца IV в. из Осеново (район Варны) (рис. 21) [21, с. 27-28; 8, fig. 3]. Крайний схематизм и примитивизм исполнения росписи выделяет ее из ряда одновременных памятников. Такой стиль исполнения объясняется исследователями непрофессионализмом художника [21, с. 28].

Таким образом, сцены со слугами, распространенные в языческом искусстве, перешли и в раннехристианскую живопись, что подтверждают также херсонесские склепы. Однако использование данного сюжета в раннехристианском искусстве продолжалось недолго. Болгарская исследовательница Ю.Валева отмечает, что датировка всех балканских гробниц, в росписи которых есть изображения слуг, не выходит за рамки IV в. [8, р. 181]. Вероятнее всего, что и херсонесские росписи, в которых присутствуют те же персонажи, хронологически близки своим зарубежным аналогам. В этой связи важно отметить, что в обоих херсонесских склепах со слугами нижняя часть стен оформлена вполне традиционно для вышеописанной декоративной схемы. В склепе 1904 (1853) г. – это мраморировка, в склепе 1909 г. – ортостаты, возможно некогда также украшенные под мрамор. Оба мотива, и слуги, и мрамор, демонстрирующие знатность и богатство погребенных в земной жизни, в условиях упрощения и аскетизации погребальной живописи покинули стены склепов, вероятно, раньше других, более значимых в христианской символике, изображений. Таким образом, присутствие слуг и мрамора в херсонесских росписях является ярким показателем их раннего происхождения. В обоих этих склепах аналогичным образом был оформлен и потолок с венком в центре и идущими от него к углам сухими гирляндами (рис. 22). В склепе 1904 (1853) г. внутри венка сохранилась монограмма Христа с греческими буквами α и ω . В склепе 1909 г. изображение внутри венка не сохранилось, но вероятность того, что и здесь была монограмма очень велика.

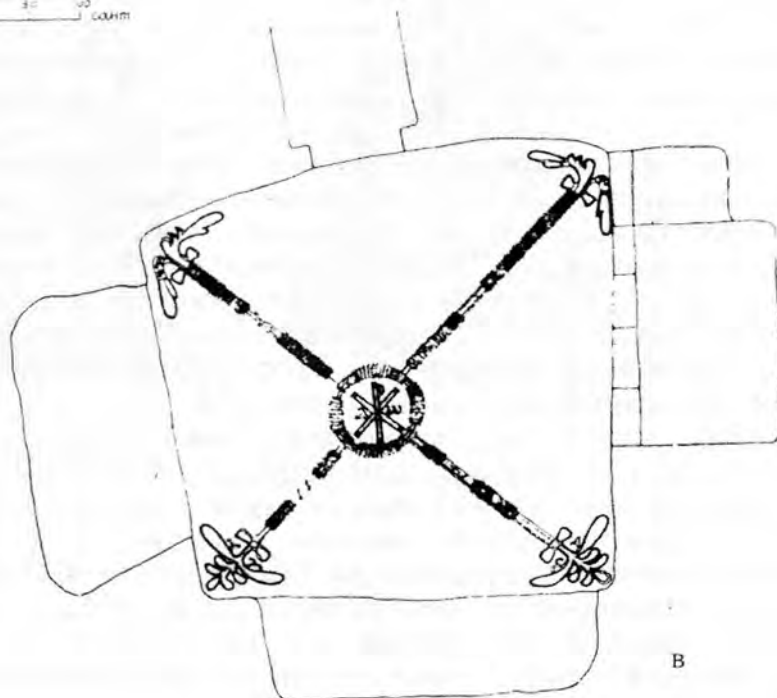
Масштаб 1:1
0 20 40 60 80 100 см

а

Масштаб 1:1
0 20 40 60 80 100 см

б

в

Рис. 22. Херсонес. а, в – роспись плафона склепа 1904 (1853) г.; б – роспись плафона склепа 1909 г. [7, табл. CV,3,1; 5, рис. 10].

Одним из аргументов в подтверждение поздней датировки херсонесских склепов (не ранее VI в.) В.М.Зубарь считает изображение сосуда на входной стене нового склепа № 1 (рис. 5,а), который, по мнению исследователя, принадлежит к числу стеклянных рюмок первого типа по типологии Л.А.Голофаст [23, с. 107-108]. В Херсонесе подобные рюмки на высокой ножке встречаются в археологических комплексах начиная с конца V в. Однако, в центрах Ближнего Востока, Северной Африки и Западного Причерноморья такие сосуды были известны на протяжении второй половины V в. [24, с. 154-155]. Учитывая то, что мастер, расписывавший данный склеп, был приезжим, он мог видеть эти рюмки ранее вне Херсонеса, и здесь по памяти воспроизвел знакомый ему образ. Следовательно, роспись упомянутого склепа вполне могла состояться уже в ранний период использования подобных рюмок, т.е. до конца V в.

Ранняя дата росписи херсонесских склепов, как уже отмечалось, подтверждается, прежде всего, декоративной системой в целом, еще практически полностью подчиненной античным традициям. Единственным исключительно христианским изображением является монограмма Христа в венке на сводах лишь некоторых склепов. Практически полное изображение хризмы сохранилось только в склепе 1904 (1853) г. (рис. 22,а,в) [7, табл. CV,3]. В росписи плафона склепа 1909 г. также наблюдаются диагональные гирлянды, сходящиеся к расположенному в центре венку, но изображение внутри венка не сохранилось (рис. 22,б) [7, табл. CV,1]⁵. М.И.Ростовцев предполагал вероятность монограммы также в склепах 1907 г. и на земле Н.И.Тура, на сводах которых зафиксированы остатки от изображений венков [1, с. 453-454, 460, 465-466, 478]. Следы двойного круга, в котором могло быть изображение венка и от которого, вероятно, шли прямые гирлянды, отмечены также в склепе 1905 г. [25, с. 53; 1, с. 460]. Однако наличие здесь монограммы М.И.Ростовцевым не предполагалось, хотя, по логике его рассуждений, она вполне могла бы быть⁶.

Известно значительное количество погребальных памятников IV-V вв., живопись которых имеет христианскую символику в виде хризм и крестов [26, р.

⁵ В атласе, изданном М.И.Ростовцевым, допущена неточность. В табл. CV подписи к рисункам плафонов склепов 1904 (1853) г. и 1909 г. перепутаны.

⁶ В одной из статей В.М.Зубаря опубликован рисунок М.И.Скубетова с реконструкцией росписи, ошибочно приписанной своду склепа 1905 г. (рис. 29, 3) [5, рис. 10]. Исходя из плана склепа и реконструкции рисунка, данная роспись принадлежала склепу 1904 (1853) г. Однако план изображен на этой реконструкции в зеркальном отражении. Обозначенная на нем боковая ниша с закладом из пяти плит находилась справа от входа, а не слева. Отметим, что в склепе 1905 г. ниш с закладом не было. Ошибка в определении принадлежности данной росписи произошла, вероятно, из-за того, что в дореволюционной литературе нет единства в указании года повторного открытия склепа, в котором она была обнаружена. Д.Косцюшко-Валюжинич, описывая произведенные К.К.Косцюшко-Валюжиничем раскопки склепа, впервые открытого в 1853 г. графом Уваровым, отмечает, что это происходило в 1905 г. [25, с. 50]. Вероятно, эта дата указана и на рисунке М.И.Скубетова. В монографии М.И.Ростовцева данный склеп фигурирует под 1904 (1853) годом [1, с. 452], что и было принято во всей последующей литературе.

772-782]. В некоторых из них, как правило, из числа наиболее ранних, также как и в херсонесских склепах, христианские символы сочетаются с традиционными эллинистическими мотивами (гирляндами, венками, цветами, птицами), безусловно, наделенными новым содержанием, но исполненными все еще достаточно живописно. Подобное сочетание старых форм и новых символов демонстрируют, например, погребальные памятники Сердики (рис. 23), Фессалоники (рис. 7, а), Nikeи (рис. 24), Филипп (гробница В базилики extra muros IV в.) [10, с. 25, рис. 9; 9, р. 179, 194, fig. 29; 26, №№ 13, 43, 80; 8, fig. 16, 29, 32].

Постепенно изображение крестов становится не только доминирующим в декоративной схеме погребальной росписи, но и практически ее единственным элементом. С конца V в. отмечается упадок античных традиций в погребальном декоре [8, р. 194]. Новая декоративная система, пришедшая на смену старой, окончательно лишилась ее живописности и полихромии. В росписи некоторых погребальных сооружений конца V-VI вв. еще присутствуют растительные мотивы и птицы, как, например, в гробницах №№ 1 и 3 восточного некрополя Софии (рис. 25; 26), в двойной гробнице из Лулудии (Северная Греция) (рис. 27) [21, с. 29-30, рис. 51; 27, р. 22-23]. Однако эти изображения, переданные в значительной степени схематично, приобрели уже характер простого орнамента. Они играют подчиненную роль в декоративной схеме, доминантой которой является крест, причем в двух последних примерах в сопровождении христианских надписей. В гробнице из Лулудии – это фрагмент 131 псалма; в гробнице № 1 – надпись религиозного содержания вдоль карниза, отделяющего стены от свода. Изображения крестов в сочетании с цитатами из псалмов известны также по погребальным сооружениям второй половины V-VI вв. Фракии (Стара Загора, Мангалия), Каппадокии (Ургуп) [26, №№ 6, 63; 8, р. 193; 28, р. 25-30; 29, р. 31-38]. К числу ярчайших примеров подобного декоративного убранства погребальных сооружений принадлежат также два склепа из Керчи, открытые в 1890 и 1895 гг. и детально описанные Ю. Кулаковским [30; 31, с. 61-67]. Их стены были покрыты крестами и текстами молитв и псалмов. Других декоративных элементов в их оформлении нет. В склепе 1890 г., где, судя по надписи, были похоронены Саваг и Фаиспарта, обозначена точная дата – 491 год.

Таким образом, конец V в. является по существу рубежным периодом в декоративном оформлении христианских погребальных сооружений. Строгая христианская символика окончательно вытеснила с гробничных стен античную по своему происхождению роспись. Памятники с подобной росписью более позднего времени не известны. Данный процесс явился результатом новых требований, предъявляемых к оформлению мест погребения христиан, что в свою очередь было вызвано определенными изменениями в духовном общественном сознании. Исходя из вышесказанного, представляется вполне очевидным принадлежность херсонесских расписных склепов эпохе, предшествующей

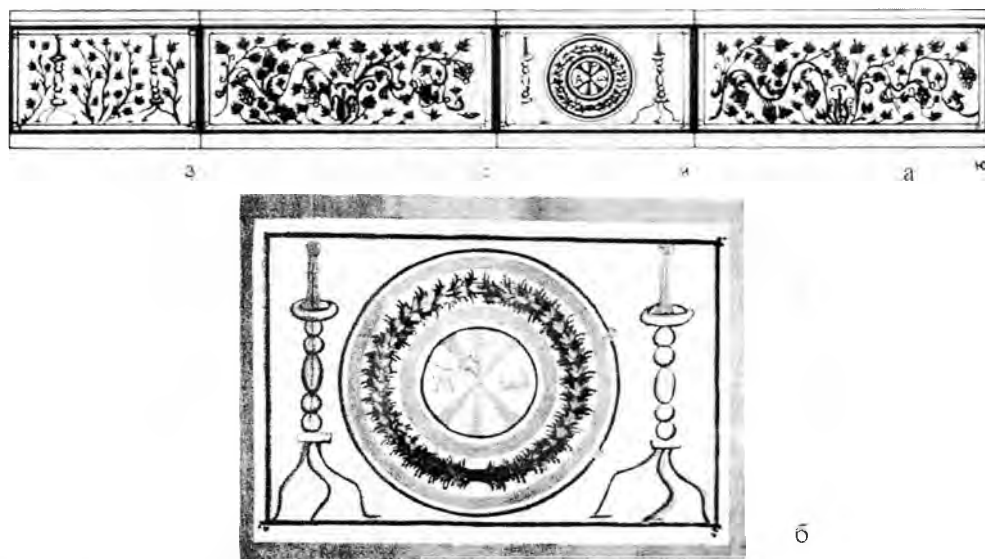

Рис. 23. Сердика. Роспись гробницы № 4: а – схема; б - фрагмент [8, fig. 29; 10, рис. 9].

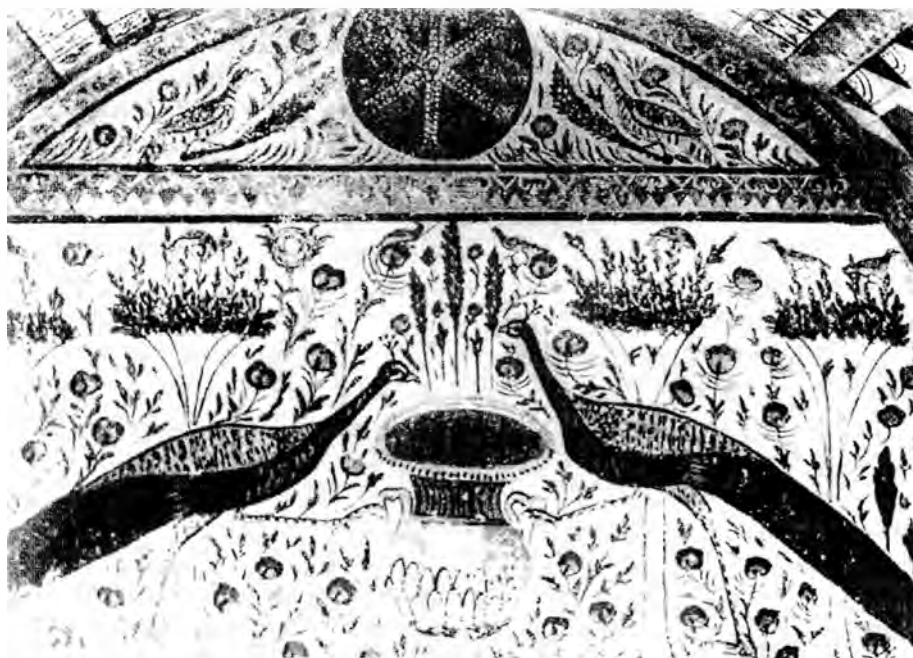

Рис. 24. Никея. Роспись гробницы IV в. [8, fig. 32].

коренным преобразованиям в христианском погребальном декоре, эпохе господства в нем старых античных художественных форм с новым христианским содержанием. Ареал распространения подобной живописи очень широк, он охватывает практически весь раннехристианский мир. Набор приведенных выше аналогий херсонесским памятникам, безусловно, не может претендовать на исчерпывающую полноту. Тем не менее, он вполне позволяет коснуться вопроса их происхождения. Как представляется, проблема генезиса погребальной росписи Херсонеса, как и любого другого центра или региона, состоит из двух, не всегда имеющих общий ответ вопросов. Первый вопрос включает в себя аспекты, связанные с происхождением декоративной системы в целом, а также отдельных ее компонентов. Эта очень важная и сложная культурно-искусствоведческая проблема, имеющая сравнительно широкую библиографию, заслуживает отдельного исследования. Второй более конкретный вопрос связан с историей появления данной системы в уже сформировавшемся виде в херсонесских памятниках. Именно этот вопрос представляется наиболее важным для истории раннехристианского Херсонеса, его культурных и религиозных связей.

Впервые проблема генезиса росписи херсонесских склепов с привлечением в качестве сравнительного материала относительно широкого круга памятников была поставлена М.И.Ростовцевым [1, с. 483-503]. Однако, сделанный им вывод о сирийско-палестинском происхождении херсонесских росписей, ставший общепризнанным в отечественной историографии, скорее всего, имеет отношение к истории формирования художественных стилей, составивших уже рассмотренную систему росписи и ее отдельных элементов, т.е. составляет сущность первого из выделенных выше вопросов. Обращаясь к кругу ближневосточных аналогий, М.И.Ростовцев отмечает крайнюю скудость информации о памятниках этого региона: "К сожалению, мы почти ничего не знаем о росписях гробниц в Сирии, Финикии и Палестине..." [1, с. 497]. Те же примеры, которые он упоминает, зачастую известные лишь по описаниям путешественников, в большинстве своем принадлежат эллинистическому времени или первым векам н. э., как, например, гробница в Пальмире второй половины II в. [33, с. 192]. Таким образом, практически все они были созданы задолго до появления херсонесских памятников и, следовательно, могут отражать лишь определенные этапы на пути становления примененной в них декоративной системы. Кроме того, многие из упомянутых М.И.Ростовцевым росписей насыщены изображениями человеческих фигур (Ники, портретов умерших), а также имеют целые сюжетные многофигурные композиции [1, с. 500; 33, с. 181-193]. Следует отметить, что наличие "фигурных сцен, целых картинок", которыми изобилуют росписи и римских катакомб, сам исследователь считал одним из важнейших отличий последних от херсонесских склепов [1, с. 487].

Именно с росписью христианских катакомб Рима М.И.Ростовцев считал возможным сравнивать фрески, обнаруженные в баптистерии христианского церковного комплекса в Дуре-Европос, римской крепости на берегу Евфрата [34,

Рис. 25. Сердика. Роспись люнета гробницы № 3 [10, рис. 6].

Рис. 26. Сердика. Гробница № 1 [10, рис. 1].

Рис. 27. Лулудия. Роспись западной стены комнаты В двойной гробницы, VI в. [29, fig. 1].

с. 426]. Недавно А.Е.Филипповым предпринята попытка увидеть в росписи херсонесских склепов "локальный вариант ближневосточного раннехристианского искусства второй половины IV – начала V в." на основании якобы существующего сходства с фресками из Дура-Европос [35, с. 241; 36, с. 18]. Некорректность подобной постановки вопроса заключается уже в самой дате этих фресок. Они были созданные в период между 232-233 г., когда обычный жилой дом переделали в христианский дом собраний (*domus ecclesia*), и 256 г. – годом окончательной гибели Дура-Европос⁷ [37, с. 98-99; 34, с. 426, 431]. Таким образом, уже на основании этого ее христианскую живопись, роль которой в становлении раннехристианского искусства трудно переоценить, вряд ли можно включать в круг потенциальных прототипов херсонесских росписей, созданных более чем столетие спустя. Кроме того, в отличие от погребальных росписей Херсонеса фрески Дура-Европос, принадлежавшие самому раннему из известных храмов, представляют собой четко продуманную иконографическую программу именно церковного декора [38, с. 45-46]. Основу этой программы составляли библейские сюжеты. На сравнительно небольшом экспозиционном пространстве здесь были представлены семь сцен из Ветхого и Нового Заветов. По существу фрески Дура-Европос выполняли роль своеобразного иллюстрированного приложения к Библии. Своей иконографической программой они предвосхитили дальнейшее развитие храмовой декоративной живописи. Херсонесские же росписи были призваны украшать стены именно погребальных сооружений, что и предопределило их декоративную программу, коренным образом отличающуюся от фресок Дура-Европос как по идейному содержанию, так и по художественному воплощению.

Отстаивая идею ближневосточного происхождения примененной в херсонесских склепах декоративной системы, объединившей два художественных стиля – цветочный и инкрустационный, М.И.Ростовцев все же отмечал проникновение данной системы и на Запад [1, с. 501]. Особенно в этом отношении он выделял серию гробниц Софийского некрополя, из которой к тому времени была опубликована лишь одна – гробница с архангелами (№ 9 по К.Миятеву). Как заметил сам исследователь, "схема их росписи... совершенно та же, что в наших гробницах" [1, с. 493]. Тем не менее, окончательный вывод он делает в пользу сиро-палестинского Востока, что, по его мнению, указывает на "тесную связь первых христиан Херсонеса не с Византией или Балканским полуостровом", а с сиро-палестинской церковью [1, с. 503]. Большое влияние на этот вывод, как представляется, оказала первая часть Житий епископов херсонесских, повествующая о присылке в Херсонес первых епископов из Иерусалима якобы еще в эпоху Диоклетиана. Именно эту часть М.И.Ростовцев считал единственно

---

⁷ В течение короткого времени город был засыпан землей, чем объясняется отличная сохранность многих его памятников. Открыли его лишь в 20-х гг. XX в. [37, с. 97-99].

достоверной, в противовес изложению о проконстантинопольском епископе Капитоне [1, с. 505-506]. Опираясь на некоторые топографические указания Житий о местах захоронения замученных в Херсонесе иерусалимских посланцев Василея, Евгения, Агафадора и Елпидия, а именно, за западными воротами и на восточном кладбище, М.И.Ростовцев отождествляет с ними склеп на земле Н.И.Тура и склеп 1904 (1853) г. [1, с. 506]. Однако хронологический разрыв между гибелью святых и временем росписи этих склепов вряд ли позволяет проводить связь между этими событиями столь определенно. Кроме того, если склеп на земле Н.И.Тура в период его перестройки, с которой связана роспись его правой стены, мог действительно принадлежать христианской общине в целом и, следовательно, вполне мог быть преобразован в меморий какого-либо почитаемого мученика, о чем уже говорилось, то склеп 1904 (1853) г., более чем вероятно, являлся усыпальницей богатой херсонесской семьи и возможность захоронения в нем постороннего представляется невероятной. Роспись в нем связана с последним захоронением в правой нише. Фресками покрыты как внутренние стены этой ниши, так и наружная поверхность пяти плит, которыми она была заложена после погребения (рис. 4) [1, с. 453-457].

Появление христианской живописи в херсонесских склепах явилось результатом общей для раннехристианского мира тенденции в оформлении мест погребения христиан. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, происходящие практически из всех регионов империи. Значительное количество этих памятников стало известно уже после выхода в свет фундаментального труда М.И.Ростовцева. Они значительно расширяют наши представления о возможных путях проникновения описанной выше художественной традиции в сравнительно отдаленный, но поддерживающий тесные контакты со многими центрами Херсонес. На наш взгляд, именно на территории Балкан и западных малоазийских провинций находятся аналогии, наиболее близкие и территориально, и хронологически, и стилистически. Поэтому возможность заимствования данной традиции из этих регионов представляется вполне реалистичной. Подтверждением такому предположению служат сведения об экономических, культурных и церковных связях Херсонеса с данными областями [39, с. 57-76; 40, с. 416-419].

Таким образом, росписи херсонесских склепов принадлежат к числу сравнительно широкого круга памятников, обнаруживающих стилистическую и хронологическую общность. Составляя единую в техническом и стилистическом отношении группу, они являются произведениями одного сравнительно небольшого периода. В настоящее время можно установить лишь самые крайние его пределы. Учитывая закономерности в смене определенных этапов в развитии погребальной христианской декорации, роспись херсонесских склепов следует датировать временем никак не позднее конца V в. Нижнюю хронологическую

границу их появления, вероятно, следует связывать с местными событиями последней четверти IV в., когда в Херсонесе оформилась своя епархия, и под влиянием общегосударственной политики христианство приобрело здесь статус государственной религии [41, с. 548-549; 40, с. 405-407]. Именно в этот промежуток времени – с конца IV по конец V в. и не позже – возникла группа ныне известных расписных склепов, принадлежавших христианизированной знати города. Херсонесская живопись демонстрирует полностью сложившуюся декоративно-символическую систему. Следовательно, она была привнесена на херсонесскую почву в уже готовом сформировавшемся виде. Ближайшие аналогии мы наблюдаем в позднеантичных центрах, расположенных на территории Балканского полуострова и западной части Малой Азии, с которыми Херсонес имел давние разносторонние связи. Все это дает основание предполагать, что именно из этих областей пришла в Херсонес традиция росписи погребальных сооружений. Однако продержалась она здесь недолго. Не имея предшественников на местной почве, она не нашла здесь и своего продолжения, так и оставшись чрезвычайно ярким, но сравнительно кратким эпизодом в истории художественной культуры Херсонеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
2. Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000.
3. Домбровский О.И. Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. 1959. Вып. V.
4. Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса "Базилика 1935 г." в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
5. Зубарь В.М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Ленинград, 1988.
6. Диатропов П.Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции "Церковная археология: проблемы, поиски, открытия" (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002.
7. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913.
8. Valeva J. La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive // Hortus Artium Medievalium. 2001. Vol. 7.
9. Марк Е. Η ταλική ζωγραφική τῶν πρώτων χριστιανικῶν χρόνων στὴ Θεσσαλονίκη // Χριστιανική Θεσσαλονίκη. Ἀπὸ τοῦ Ἀποστόλου Παύλου μεχρὶ καὶ τῆς Κωνσταντινείου ἐποχῆς. Θεσσαλονίκη, 1990.
10. Миятев К. Декоративната живопись на Софийския некропол. София, 1925.
11. Ferrua A. The unknown catacomb. A unique discovery of early Christian art. Florence, 1991.
12. Димитров Д.И. Раннохристианска гробница от с.Река Девня // Известия на Варненското археологическо дружество. Варна, 1960. Кн. XI.

13. Цончев Д. Трако-римският некропол в югоизточния край на Филипопол // Годишник на народния археологически музей Пловдив. Пловдив, 1960. Кн. IV.
14. Valeva J. Les nécropoles paléochrétiennes de Bulgarie et les tombes peintes // Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986). Rome, 1989. Vol. II.
15. Веймарн Е.В. Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // АДСВ. 1977. Вып. 14.
16. Димитров Д.П. Стил и дата на стенописите от късноантичната гробница при Силистра // Археология. София, 1961. Кн. 1.
17. Ангелова С. Силистринската гробница. Силистра, 1976.
18. Уваров А.С. Христианская символика. М., 2001.
19. Зубарь М.В. К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХСБ. 1999. Вып. X.
20. Овчаров Д. Архитектура и декорация на старохристиянските гробници в нашите земи // Археология. София, 1977. Кн. 4.
21. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV-VII век. София, 1978.
22. Dimitrov D.P. Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra // Cahiers archéologiques. Paris, 1962. XII.
23. Зубарь В.М. Новые материалы к датировке раннехристианской росписи склепов некрополя Херсонеса // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции (16-22 сентября 2002 г.). Киев; Судак, 2002.
24. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
25. Косцюшко-Валюжинич Д. Древнехристианские склепы с декоративной фресковой росписью, открытые в Херсонесе // ИТУАК. 1911. № 45.
26. Valeva J. Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae. Split-Porec (1994). 1998. Pars III.
27. Marki E. Deux tombeaux monumentaux protobyzantins récemment découverts en Grèce du Nord // Cahiers archéologiques. Picard, 1997. 45.
28. Thierry N. Note archéologique sur un tombeau monumental inédit d'Ürgüp (Cappadoce) // Cahiers archéologiques. Picard, 1997. 45.
29. Kiourtzian G. Le Psaume 131 et son usage funéraire dans la Grèce, les Balkans et la Cappadoce à la haute époque byzantine // Cahiers archéologiques. Picard, 1997. 45.
30. Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 1891. № 6.
31. Кулаковский Ю.А. Две керченские катакомбы с фресками. Приложение. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. // МАР. 1896. № 19.
32. Зинько Е.А. Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
33. Фармаковский Б.В. Живопись в Пальмире // Известия русского археологического института в Константинополе. София, 1903. VIII.
34. Гаилов В.А., Кошеленко Г.А. Христианские памятники Дура-Европос: открытие и значение // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
35. XIII Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (27-29 января 2003 г.) // ВДИ. 2003. № 4.

36. Болгов Н.Н. Сирийские культурные влияния в позднеантичном Северном Причерноморье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции (12-16 сентября 2004 г.). Киев; Судак, 2004. Ч. I.
37. Беляев Л.А. Христианские древности. СПб., 2000.
38. Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2004.
39. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. Харьков, 1989.
40. Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV-VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
41. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
42. Bianchi-Bandinelli R. Rome. La fin de l'art antique. Paris, 1970.

ZAVADSKAYA I. A.

DECORATIVE-SYMBOLIC SYSTEM OF PAINTING IN CHERSONESOS CHRISTIAN VAULTS: ASPECTS OF CHRONOLOGY AND GENESIS

Summary

A group of ten painted Christian vaults in Chersonesos is a valuable source in researching different aspects of the late-antique and early-medieval history of the city. The main problems in their investigation are the problems of dating and provenance. In our historiography there is no consensus of opinion on the problem of their appearance. M. I. Rostovtzeff dated the majority of them by the second half of the 4th – the beginning of the 5th centuries. O. I. Dombrovsky and V. M. Zubar dated the group under consideration to the 6th – 7th centuries, and then to the end of the 5th - 6th centuries. Archaeological finds, mainly coins, were of great importance for dating these monuments. Not negating the role of archaeological factors in the solution of the problem of chronology of the group of vaults, decorative attire, namely plot-stylistic peculiarities of funeral painting, is of primary importance. The main distinctive feature in the system of painting in Chersonesos vaults is the mixture of elements of incrustation and flower styles, ancient in origin.

This decorative system was widely spread in funeral painting of early Christendom, numerous analogies testify to this fact. The period of predominance of such painting, which combined old, ancient art forms with new Christian content, is limited by the end of the 5th century, the border line in decorative design of Christian funeral constructions; ancient in origin the painting on the walls was replaced by strict austere Christian symbolism. Just the end of the 5th century should be considered as *terminus ante quem* of Chersonesos Christian painted vaults. The low chronological boundary of their appearance should be connected with local events of the last quarter of the 4th century, when diocese originated in Chersonesos. As for genesis of Chersonesos paintings, in historiography the opinion of M. I. Rostovtzeff on Syrian – Palestine influence is firmly established. However, a wide circle of analogies situated on the territory of the Balkan Peninsula and western part of Asia Minor, assumes probability of borrowing of decorative – symbolic system of painting, which gained foothold in Chersonesos, from these regions.